

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК

СБОРНИК

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

1 (4)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК»
1 9 * М О С К В А * 3 3

П. ЛЕПЕШИНСКИЙ

ЛЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ *

Ленские события, в центре которых стоит незабываемый кровавый эпизод—ленский расстрел—представляют грандиозную революционную драму. Никакая фантазия не придумала бы лучше революционного сюжета для драматического произведения, чем подлинная жизнь, которая написала на страницах истории русской революции эти огненные слова: ленский расстрел.

Если бы нам с вами нужно было сочинить драму на такую тему, то лучше всего было бы прямо списать ее с действительности.

Как водится, когда драма преподносится читающей публике, то прежде всего говорится о месте события. Местом события в данном случае является далекая глушь в Сибири, отделенная расстоянием больше чем на полторы тысячи километров от железной дороги, точнее на 1 800 км. Эта далекая глушь отрезана от сколько-нибудь населенных мест, например, от ближайшего города Бодайбо, сотнями верст. Какое значение имеет это обстоятельство? Оно имеет то значение, что кто в прошлое время забирался для работы на Ленские прииски, тот не мог благополучно оттуда выбраться. Годовой контракт с рабочими подписывался обыкновенно в сентябре. И вот, не угодно ли вам, если вы не желаете продолжать работу, убираться из этого гиблого края в сентябре, когда на приисках начинается уже глубокая осень, а за ней идет суровая зима. Пройти или проехать путь в 1 800 км до Иркутска—до железной дороги, это не шуточное дело. Таким образом рабочие, которые туда забирались, попадали в кабалу к капиталу. Я не буду распространяться далее на эту тему, так как для всех вас ясно, какое значение имеет здесь место трагедии.

Действующие лица: одно из видных мест среди персонажей, действующих в этой трагедии, занимает его величество господин капитал. Как бы вам охарактеризовать это чудовище? Я, впрочем, не своими словами попробую дать характеристику его, а возьму цитату

* Из доклада, прочитанного П. Н. Лепешинским на собрании рабочих в день двадцатилетней годовщины ленского расстрела.

из газеты «Социал-демократ»—из нашей большевистской газеты того времени: «Английские капиталисты (надо думать, просвещенные либералы у себя дома) и начальник русского охранного отделения, истинно-русские царские губернатор и прокурор и истинно-биржевой барон Альфред Гинзбург, члены Государственного совета, гвардейские офицеры, придворные лакеи в генеральских мундирах и биржевой заяц Жданов, либеральный ех-министр витевского кабинета Тимирязев и заведовавший департаментом полиции Макаров, Лондон и Петербург, дворец и биржа, охранка и дума,—все и вся оказались связанными крепкими узами взаимных услуг и взаимной поддержки в деле эксплуатации рабочих.

Ленский расстрел с ясностью, бросающейся в глаза всякому, сразу вскрыл, как во имя эксплуатации рабочих сплетается в один отвратительный, кровью напитанный клубок международный капитал, царский дворец, охранные отделения; как биржевой курс в Лондоне распоряжается жизнью рабочих на Лене, а истинно-русский царский министр в «национальной» думе защищает барыши предприятия истинно-еврейского барона»*.

К этим словам, которые достаточно говорят сами за себя, я бы только прибавил: в ленском предприятии были заинтересованы и члены царского дома. По свидетельству палача Трещенко, к числу акционеров принадлежала и пресловутая вдова Мария Федоровна. Обстоятельство это имеет большое значение. Уж если царский дом заинтересован в барышах, то тут уже не жди пощады. Тут будут действовать без послабления, тут будут наготове все жандармы, все генерал-губернаторы и все министры.

Нужно было бы, однако, до некоторой степени расчленив всю эту шайку. Я бы сказал, что следовало бы охарактеризовать прежде всего капиталистов как таковых.

Ленские прииски основаны давно,—если не ошибаюсь, в 1861 году,—и перешли в руки крупных капиталистов, братьев Гинзбург, которые стали быстро прибирать к рукам все прииски на Лене. Царское правительство пришло им на помощь. Государственный банк ссудил деньгами: в 1910 году 6 млн. руб., в 1911 году—5 млн. Это, как видите, большие миллионы! С этими миллионами товарищество Ленских приисков действительно могло стать на ноги. Впрочем, к ним на помощь подоспел и частный капитал интернационального происхождения. В Лондоне быстро унюхали, что дело на Ленских приисках пахнет большой прибылью, что прибавочная стоимость здесь будет достаточно велика, чтобы отвечать всем вождениям капиталистов. Образуется капитал под фирмой Лена-Гольдфильдс. Тут же происходит дальнейшая концентрация всего дела. Весь этот округ подпадает под власть английского капитала. В России имеется только отделение этого товарищества. Английский капитал под указанной фирмой выпускает шерсть, т.-е. свои особые бумажки,

* «Социал-демократ», № 26 от 25 апреля (8 мая) 1912 г. Напечатано в собрании соч. Ленина (изд. 1924 г.), т. XII, ч. I, стр. 92.

играющие роль денег, и за эти шеры он скупает акции. Свыше 80% акций оказываются у него на руках. Иначе говоря, этот интернациональный капитал, по преимуществу английский, становится монополистом предприятия.

Становясь же монополистом, он не боится конкуренции, ибо он — капитал нового времени, капитал империалистического происхождения. Само собой разумеется, что здесь быстро произошло сращивание интересов владельцев этого интернационального капитала с интересами российских хищников. Ведь деньги не пахнут, и все капиталистические рвачи чувствуют себя братьями в таких случаях.

Какова же была прибыль ленских акционеров?

В 1909—1910 гг. эта прибыль равнялась приблизительно 6,8 млн., почти 7 млн. руб. Рабочим выплачивалось менее 4 млн., а в то же время дивиденд, который приходился на долю акционеров, равнялся 4 млн. с лишним; таким образом паразиты, присосавшиеся к телу ленских пролетариев, получали больший дивиденд из прибыли, чем рабочие в качестве своей зарплаты.

Само собой разумеется, что господа капиталисты обставили все дело так, чтобы возможно более беспрепятственно эксплуатировать рабочую массу; так, например, можно было бы наперед, не читая документов, сказать, что на приисках большую роль играл шпионаж. О, да, шпионаж был там великолепно поставлен; администрация была подобрана чудовищно свирепая, начиная от главы дела Белозерского, наглого проходимца, который сразу учел, что нужно для Лензото, и кончая мелкой администрацией, которая вся была куплена и перекуплена капиталом: и правительственные чиновники, и горное управление, и местные полицейские чины — все они были целиком, со всеми их потрохами, куплены капиталом. По этому поводу иркутский генерал-губернатор Бантыш (из числа «потусторонних» сильных мира сего) пишет: «Эльзото* поит, кормит, учит, лечит, казнит и милует тысячи людей. Почти исключительно Эльзото дает деньги и на содержание правительственных чиновников. Стоит только тому или другому правительственному чиновнику перестать поддерживать отношение с Эльзото, и его возьмут измором: отоплением, электричеством и тому подобным». Это свидетельское показание тем более ценно для нас, что его автором является человек из другого лагеря; это ведь говорит не друг, а враг рабочих.

Какие же в данном случае имеются «по ту сторону» персонажи, которых мы можем особо отметить? Тут интересно выдвинуть напиказ два лица: прежде всего пресловутого Трещенко, который знаменит тем, что являлся наиболее отвратительной бездушной машиной в руках капитала. Это одна из тех фигур, которая будет делать подлость, которая может перестрелять тысячи рабочих только потому, что ему за это заплатили 30 серебряников. Это наихудший тип Иудушки.

* Эльзото (или Лензото) — сокращенное название Ленского золотопромышленного акционерного общества.

Но, товарищи, тут есть и другая фигура, которая не уступает в «знаменитости» мерзавцу Трещенко, Это Макаров.

Макаров — царский министр. Кто из них подлее, Макаров ли, который непосредственно не отдавал рокового приказа «пли», или палач Трещенко — это еще вопрос. Я думаю, что мы должны отдать дань справедливости Макарову: это все же гораздо более отвратительный персонаж, чем всевозможные Трещенки. В истории мы с большим чувством ненависти читаем страницы, посвященные деятельности Тьера, палача коммуны, чем солдафона Галифе — исполнителя планов Тьера. Галифе — слепое орудие озверелой буржуазии. Он расстрелял сотни и тысячи парижских коммунаров, но не к нему революция предъявляет первый вексель, а к таким господам, как Тьер или Макаров — один из типичнейших выразителей того режима, того порядка, при котором могут усердствовать всевозможные Трещенки, при котором может существовать такая эксплуатация, какая имела место на Ленских приисках, при котором может иметь место и такой трагический эпизод, как ленский расстрел.

Особое место занимает в ленской трагедии Тульчинский, имя которого стало тоже до некоторой степени классическим. Тульчинский — горный инженер, близкий к администрации чиновник, который оказался «другом» рабочих в кавычках или, проще говоря, примазался к рабочим. Рабочие по своей доверчивости даже поверили тому, что он в самом деле расположен к ним, а того не сообразили, что быть другом рабочих и в то же время быть другом генерал-губернатора Бантыша — это две совершенно несовместимые вещи. Тульчинский — это та самая подлая молчалинская фигура, которая великолепным образом годилась бы для иллюстрации типа современных профбюрократов там, за рубежом. Все эти милые люди, которые ныне в капиталистических странах срывают стачки, например, те западно-европейские Тульчинские, которые пытаются сорвать нынешнюю стачку в Чехо-Словакии, все эти Иудушки существовали повсюду и во все времена. Это особый исторический тип — тип подлого социал-фашиста, если характеризовать его ходкой кличкой нашего времени. Пусть себе наш соотечественник Тульчинский будет некоторой вариацией социал-предателя на русский манер, но тем не менее основные черты такого «героя», как Тульчинский, типичны для всех интернациональных социал-Иудушек. И если мы возьмем газету в руки, — сегодняшнюю, вчерашнюю, или какую хотите, — мы натолкнемся под другими именами на десятки такого рода Тульчинских. Тульчинский — это тот самый «друг» рабочих, который вел переписку с генерал-губернатором Бантышем, который выполнял его поручения, был его агентом и который в то же самое время употреблял все усилия к тому, чтобы сорвать стачку ленских рабочих. Он действовал и слезами, и речами, и угрозами. При этом, кстати, я должен тут же отметить, что его «обаятельное» ораторское искусство признается и некоторыми из тех участников стачечного комитета, которые поддались этим речам. Думпе, один из участников стачечного комитета, пишет, что нельзя было не быть загипнотизированным речами Тульчинского. Когда

в разгаре стачки, незадолго перед расстрелом, Тульчинский собрал вокруг себя членов стачечного комитета, то он успел своими сладкими декламациями убедить членов стачечного комитета в необходимости прекратить стачку.

Но стачка так не закончилась, как этого хотел Тульчинский, потому что, вопреки воле стачечного комитета, рабочие наотрез отказались последовать по рекомендованному им пути.

Теперь перейдем к тому «персонажу», который является классовым антиподом по отношению к указанной группе лиц: обратим наш взор к коллективно действующему лицу—к пролетариату. Что представляет собой ленский рабочий в течение всего интересующего нас эпизода? Прежде всего бросается в глаза его удивительный героизм. Казалось бы, что в далекой сибирской глуши, собранные с разных мест, скованные цепями казарменного режима, совершенно обездоленные, копошащиеся в той мусорной яме, которая называлась Ленскими приисками, сотни и тысячи рабочих не найдут в себе сил для коллективного выявления своей пролетарской воли. И вдруг эта пролетарская воля оказалась налицо. Товарищи, мне кажется, что никогда нельзя было бы наскучить рассказами о героических фактах из истории ленских событий. Я до некоторой степени был бы даже склонен сравнить участников ленской трагедии «по сю сторону», т. е. ленских рабочих, с парижскими коммунарами. вспомните, что представлял Париж после того, когда 18 марта 1871 года версальцы должны были показать пятки и удрали из Парижа в Версаль. Сразу атмосфера очистилась. Раньше там было и пьянство и все, что хотите, это был город разврата, город проституции, воровства и всевозможных пороков, и вдруг с уходом буржуазии и всего ее охвостья Париж стал образцом общественного пролетарского порядка.

А что сделали ленские рабочие, когда они решили не на жизнь, а на смерть бороться со своими работодателями? Прежде всего они поспешили установить твердую дисциплину. Они сказали: довольно, не надо водки, никто из нас не должен пить водку; и вот рабочие с величайшим удовольствием те запасы водки, которые хранились в бутылках, выливали с шутками и прибаутками на землю. Рабочие сказали: не должно быть воровства, и воровства с этого момента не было; не должно быть буйства, и ни одного акта буйства не было. Рабочие выбрали из своей среды старост в своих казармах, и эти старосты показали, что означает воля уполномоченных от рабочих из среды своих же товарищей рабочих. Каждый староста с первых же дней своих полномочий стал следить за тем, чтобы не было шпионажа в его казарме, чтобы не было драк, не было дебоша, не было пьянки и т. д. Водворилась удивительная дисциплина. А кто же научил рабочих так организовываться? Я не знаю, но думаю, что, по всей вероятности, доля заслуг имеется и за теми лицами, которые потом стали вождами, выбранными на рабочих собраниях, стали во главе стачки. Очень вероятно, что тут есть доля их заслуг, и в то же время может быть рабочие и сами проявили в этом отношении свою инициативу. А кто подсказал рабочим, как делаются стачки? Я думаю, что в большой

степени подсказал опыт 1905 года: 1905 год оставил в наследие пролетариату свои революционные заветы, оставил всем группам рабочих, а в том числе и пролетариям далекой сибирской глуши. С другой стороны, это подсказал и их пролетарский инстинкт. Кто, например, выдвинул советы в 1905 году? Сами рабочие, революционная стихия,—не та ползучая стихия, которая идет вразрез с классовой сознательностью, а та революционная стихия, которая очень часто опережает интеллигентскую сознательность. Эта-то революционная стихия, это революционное настроение масс и подсказали ленским рабочим и их организационную сплоченность, и их дисциплину, и их решимость бороться до конца.

Товарищи, разве не удивительно то, что, несмотря на ужасы самого ленского расстрела, несмотря на тягость забастовочного режима,—ибо ведь с рабочими не шутили, рабочих ограничивали, всячески угрожали выселением и репрессиями и даже действительно выселяли,—несмотря на все это, рабочие и после расстрела оказались непобежденными, а продолжали забастовку? Сенатор Манухин на минуту убедил было их взяться за работу, но рабочие все же не пошли опять под свое ярмо и, дождавшись лета,—в конце июля, кажется, или в начале августа,—в количестве 8 тысяч человек покинули Ленские прииски. Покинуть Ленские прииски и уйти куда-то в темную даль в том предположении, что авось найдется кусок хлеба, авось найдется где-нибудь работа—это ли не героизм?.. Да, это героизм безвестных лиц, это героизм анонимного героя, это величайший героизм.

Укажу еще один маленький штрих для характеристики пользующегося сейчас нашим вниманием самого замечательного персонажа ленской трагедии. Когда рабочие уже собирались уехать, то на собрании под председательством, кажется, самого Манухина, этим последним было предложено подписаться под верноподданической телеграммой: припадая, мол, к стопам, выражаем свои верноподданические чувства и т. д. Гробовое молчание встретило это предложение, ни одна рука рабочего не поднялась за эту резолюцию. Со времени 9 января 1905 года пролетариат до такой степени вырос, что даже там, в далекой сибирской глуши, в этих тундрах, в этом ленском гиблом крае, рабочие не сделали той ошибки, которую когда-то совершили рабочие, шедшие под знаменем Гапона.

Затем нужно непременно упомянуть еще об одном персонаже, очень существенном и важном,—забастовочном комитете. Как бы вам охарактеризовать его, товарищи? Забастовочный комитет, видите ли, сделал свое историческое дело. Я бы не сказал, что он всегда стоял на высоте своих задач. Уж одно то обстоятельство, что приисковая сирена—Тульчинский—успел убедить членов комитета в необходимости прекратить забастовку, уже одно это обстоятельство показывает, что у них не было достаточной большевистской твердости. Большую и притом вредную роль играл в комитете меньшевик Думне. Но во всяком случае, еще раз повторяю, он сделал свое полезное дело, ибо руководить забастовкой в такой обстановке, как

Ленские прииски, это ведь тоже не малая и не легкая задача. И поэтому недаром сейчас мы приветливо встречаем т. Баташева и других членов забастовочного комитета.

Ошибок у них, конечно, было много. И если бы тогда было в обычае также наводить самокритику, как это мы делаем сейчас, то, по всей вероятности, и со стороны комитетчиков было бы много покаянных речей. Да, ошибки были, были оппортунистические уклоны, была налицо оппортунистическая тактика, но в общем и целом руководство стачкой комитета сыграло свою положительную роль. Рабочие упресли в свое время забастовочный комитет за его уступки капиталу, но они все же не лишали доверия этот забастовочный комитет. Забастовочный комитет продолжал стоять на своем посту до конца, и, когда члены его были арестованы, рабочие рванулись для освобождения их. И вот на этой почве главным образом и произошел, как известно, расстрел. В те времена по царским законам нельзя было чего-либо требовать коллективно, и рабочие решили порознь требовать освобождения своих вождей заявлением, что вожди тут не при чем, что они сами несут ответственность за все события, что они сами проявили свою собственную инициативу в ходе стачки. Каждый рабочий написал стереотипное заявление на этот счет. Они пришли на Надеждинский прииск для того, чтобы эти тысячи заявлений стачечников передать прокурору Преображенскому. Но их на дороге в узком месте поджидал с ротой солдат Трещенко, который нашел удобный момент для сигнала к кровавому «пли». В результате получилось 270 убитых и 250 раненых. Так, по крайней мере, об этом говорили сами члены забастовочного комитета. Об этом же писалось и в большевистской прессе.

Интересно отметить при этом такой штрих. Сейчас мы, присматриваясь к кровавым эпизодам, происходящим за рубежом, быть может, и не в таком масштабе, как на Лене в 1912 г., но вызывающим у нас чувство огромного негодования, например, к расстрелу демонстрации в Польше или к расстрелу демонстраций немецких рабочих, наблюдаем примерно такое соотношение: семь убитых и сто раненых. Ну, пусть даже десять-пятнадцать убитых и сто раненых. А здесь мы видим 270 убитых и 250 раненых. Если на месте массовой бойни остается свыше 50% убитых и менее 50% раненых, то это доказывает, что палачи постарались, чтобы выстрелы попадали в цель, они постарались так настроить «христолюбивое воинство», чтобы солдаты метились в самое сердце, в голову или грудь рабочих. Это специфическая картина зверства и усердия царских мамелюков, гнусных мерзавцев типа Трещенко.

Какова же была причина стачки? Ближайшей причиной стачки явился в общем и целом невыносимый, страшно тяжелый режим на Ленских приисках. Если подробно говорить о тех формах эксплуатации, которые там имели место, если говорить о тех ужасах, которые характеризовали трудовую жизнь ленских рабочих, то получилась бы очень мрачная картина. Прежде всего следовало бы отметить мизерную зарплату. Ведь нужно же было выколачивать огромные барыши

для господ акционеров! Эта мизерная плата колебалась от 35 до 48 рублей в месяц, т.-е. в среднем приходилось 42—43 рубля на рабочего, при чем сам генерал-губернатор Бантыш подсчитывает, что расход холостого рабочего выражался цифрой 414 руб. 14 коп. Иначе говоря, весь заработок холостого рабочего уходил на его расходный бюджет. А что было делать семейному рабочему? Оставался ли у него хоть маленький излишек для того, чтобы посылать его тому, кто находился на его иждивении? Но и из этой жалкой зарплаты приисковая администрация умудрялась еще выуживать много добавочных сверхприбылей: в форме налогов, обмеров, обвесов. Например, когда приехала комиссия Манухина и когда администрация принуждена была немного подтянуться, то сразу заработок рабочих на промывке песков повысился с 1 р. 50 коп. до 2 р. 10 коп.—2 р. 30 коп. в день. Вы видите, сколько, значит, попадало в карман приисковой казны. Зарплата выдавалась талонами. Талоны обычно задерживались; за талоны можно было купить только в приисковой лавке то, что требовалось рабочим, и притом по очень дорогой цене. Приисковые хозяйства не только просто выжимали пот через непосредственное получение продукта труда рабочих, но и широко пользовались методом «торговых операций». Если не ошибаюсь, то, например, в течение одного года торговые операции дали капиталистам из Лензото свыше 600 тысяч рублей прибыли. Женщины очень часто должны были обслуживать интересы приисковой администрации и служащих, при чем они совершенно были беззащитны от всякого рода покушений на их нравственность и человеческое достоинство. Если какая-нибудь из женщин, понравившаяся тому или иному чиновнику, пробовала сопротивляться, она всякое испытывала самую тяжелую участь изгнанных из «рая» (из «рая», конечно, похожего на ад).

Так вот, я говорю, что причиной забастовки был невыносимый режим, при чем этот невыносимый режим в других вариациях, может быть не в такой яркой форме и не с таким содержанием, можно было бы найти во всей царской России, на всех заводах и фабриках. Что одиннадцатичасовой рабочий день зимой, а летом 11½-часовой не был в те времена редкостью в Москве, в Питере и других городах—это общеизвестно. Не редкостью было и то, что зарплата была ниже экзистенц-минимума, т.-е. необходимого прожиточного минимума, без которого рабочий не может нормально жить и трудиться. Ленские прииски отображали и в экономическом и в правовом отношении, разве лишь в более яркой форме, режим, который господствовал во всей царской России, особенно в эпоху реакции после поражения революции 1905 года. И драма, которая имела место на Лене, тоже отображала общую драму рабочего класса, общую борьбу пролетариата и всех угнетаемых в царской России. Рабочие не шли за меньшевистскими лозунгами, не говорили, например, давайте нам частично такую-то свободу—свободу стачки, свободу слова и т. д.—и мы этим удовлетворимся. Рабочие стихийно поднимались на борьбу, чтобы революционными методами протестовать против всего режима в целом.

Владимир Ильич давно уже разъяснил это русским рабочим. В одной из своих статей он говорит: «Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс. Нет ничего более лживого, как либеральная выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде», будто «борьба за свободу коалиции является о с н о в о й как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». В ленской стачке вовсе не было ни специфического, ни главного требования свободы коалиций. В ленском расстреле обнаружилось вовсе не отсутствие свободы именно коалиций, а отсутствие свободы... от провокации, от общего бесправия, от огульного произвола» *.

Много месяцев продолжалась стачка. Прошла она и через ленский расстрел и кончилась для рабочих массовым выселением их с приисков. Но кончилась ли драма, которую мы захотели бы написать, исходя из данного сюжета? Нет, она имела свою «вторую часть». Во-первых, она имела свое продолжение тут же, непосредственно в России, когда ленский расстрел гулким эхом прокатился по всей стране. Я не буду много останавливаться на статистике стачек, вызванных ленской бойней. Скажу лишь, что в одном Петербурге, начиная с 8 и кончая 20 апреля по старому стилю, в 1912 г. бастовало 140 тысяч рабочих, в Москве бастовало 35 тысяч, и громкие отзвуки от ленских событий имели место во всех остальных городах. Но возбуждение не улеглось после этой волны стачек. Май в том же году прошел особенным образом, как величайший протест против того самого режима, против которого протестовали и ленские рабочие. Май поднял на ноги сотни тысяч рабочих. Весь 1912 год со времени ленского расстрела проходит в стачечном возбуждении. Бастовавших в этом году насчитывается около девятисот тысяч человек, а это ведь почти третья часть той цифры стачечников, которой ознаменовался 1905 год. Все это говорило о наступлении новой революционной полосы, которая должна повторить 1905 год, а быть может и пойти гораздо дальше 1905 года. Действительно возбуждение рабочих продолжалось и в 1913 и в 1914 годах и дошло до баррикадных боев в июле 1914 г. в Питере. Но империалистическая война оборвала эту революционную цепь.

Повторяю, что непосредственным продолжением ленской трагедии явилась волна стачек. Так, камень, брошенный в море, вдруг оказывается источником энергии, вызывающим целый ряд кругов, которые распливаются по огромной поверхности.

Но, товарищи, этого мало, я бы сказал, что ленский расстрел обнаруживал эффективное действие еще долго и после 1912 года. О ленском расстреле вспоминали рабочие всегда, вспоминали и в 1917 году и после 1917 года. Я думаю, что наиболее сознательная часть пролетариата Западной Европы точно таким же образом не забывает о ленской трагедии, как и мы не забываем о Парижской коммуне.

* Ленин, соч., т. XV, стр. 534.

П. ДАУГЕ

К ИСТОРИИ ОДНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

(Из документов и воспоминаний)

Первые шаги. 25 лет тому назад, в дни разбушевавшейся реакции, после многочисленных арестов, отъезда или эмиграции моих ближайших московских товарищей, с которыми я был связан по работе в лекторской группе МК партии или по сотрудничеству в наших большевистских газетах «Борьба» и «Светоч», я сразу оказался отрезанным от привычной литературно-лекторской партработы. Прервалась также непосредственная связь с разгромленной карательной экспедицией Латвией. Лишь изредка удавалось переправить одну-другую статью в латышскую партийную прессу, легально или нелегально издаваемую «единой» с.-д. партией Латвийского края. В Москве же не налажилось еще новое издание большевистской печати.

Из ближайших московских товарищей уцелели покойные И. И. Скворцов (Степанов), В. М. Фриче и Л. М. Михайлов (Политикус), скоро перекочевавший в Петербург, а также несколько товарищей латышей, вместе с которыми мы вели пропаганду среди местной латышской мелкопомещанской, пролетарской и учащейся массы. Долгое время я не получал нашей издаваемой за границей русской большевистской подпольной литературы. В эти дни нисходящей революционной кривой у меня мелькнула мысль заняться популяризацией философских трудов рабочего-философа И о с и ф а Д и ц г е н а, современника Маркса, выдающегося мыслителя-самоучки, о котором Маркс весьма одобрительно отзывался в своем предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала». Тем самым я рассчитывал путем использования одной из «легальных возможностей» принести посильную пользу партии.

С трудами Дицгена я ознакомился и сильно заинтересовался ими еще в начале 90-х годов в Берлине. В России Дицгена почти никто не знал. Мои попытки заинтересовать наших партийных литераторов и издателей идеей издания Дицгена на русском языке успеха не имели. Тогда я решился на смелый шаг: не имея абсолютно никакого издательского опыта, никаких связей с книжным рынком и никаких